

ИССЛЕДОВАТЕЛИ ПОЛИТИКИ КАК «СИНКРЕТИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО»

Святослав Каспэ

Святослав Каспэ — российский политолог, доктор политических наук, главный редактор журнала «Полития», заместитель директора Фонда «Российский общественно-политический центр», профессор Высшей школы экономики (ГУ-ВШЭ)

РЖ Уважаемый Станислав Игоревич, как Вы оцениваете состояние политической науки в России? Снизилось ли оно не только качественно, но и количественно, в смысле отсутствия в последнее время ярких образцов сочинений в области политологии?

Предмет разговора тут на самом деле сдвоенный. Следует понимать, что существуют 1) *политическая наука* в строгом смысле слова, как отрасль social sciences, то есть ответственное, дисциплинированное производство знания о природе власти и всем круге сопряженных с нею феноменов и 2) «*политология*» а la russe, то есть экспертная и консультативная поддержка работы политических машин, а также (в промежутках между «подходами к станку»,

или в надежде на то, что последний подход на самом деле не был последним) изготовление и запуск в публичное пространство текстов, долженствующих засвидетельствовать пригодность их автора к использованию в соответствующих целях.

В общем виде разделение двух дисциплин соответствует предложенной покойным Алексеем Салминым модели различения рефлексивной и функциональной интеллектуальных элит. Салмин писал, что в России они смешаны в «**синкретическое сообщество**», в котором устойчивые ролевые образцы рефлексивного и функционального поведения отсутствуют. Он выражал надежду, что со временем категориальный «развод» двух дивизионов интеллектуальной элиты (разумеется, с сохранением возможности персональных переходов из одного разряда в другой, как то не давно продемонстрировали наши старые знакомые Роуз Геттемюллер и Майкл Макфол, — но и с отчетливым пониманием разницы между тем и другим модулем деятельности) все же произойдет. Пока этот «развод» не произошел по факту, но хотя бы аналитически разводить эти направления необходимо.

Влияние науки всегда многократно опосредовано и в чистом виде почти не обнаружимо. Уровень же отечественной *политической науки*, если говорить об авторах, считающих необходимым ориентироваться на общепризнанные в мире профессиональные стандарты (о прочих и говорить не стоит, поскольку их писанина представляет собой не науку, а, по Платонову, «совокупление слепых в крапиве»), скажем так, приемлем, равно как и качество журналов, где они публикуются, и

книг, которые они издают. Другое дело, что авторов, журналов и книг мало. Мне как редактору одного из таких журналов это, конечно, обидно. Но откуда же им взяться? Кто вообще сказал, что книг должно быть больше? Насколько больше? Впрочем, некоторые молодые исследователи пишут действительно здорово, так что и количественно политическая наука прирастает.

Что же касается снижения влияния и уровня «*политологии*», то тут я тоже не уверен в самом факте, хотя и не столь категорически. Подозреваю, что каждому отлученному от вышеупомянутого «станка» мнится, будто вместе с ним если не гибнет целый мир, то уж точно прекращает течение свое «политология» (отсюда и столь часто наблюдаемое нервное подмигивание очередных изгнанников у захлопнувшихся дверей цеха — не только от болезненного ущемления эго, но и от искреннего ужаса, что теперь «там» точно все развалится). Хотя, конечно, нельзя не признать, что наши политические машины — те из них, которые еще остались на ходу, — все больше переводятся в режим, не предусматривающий регулярного технического обслуживания и регламентных работ, так что **рынок труда для «политологов» действительно сужается**. Сколько они (машины) в таком режиме продержатся, сказать трудно; Саяно-Шушенская ГЭС держалась долго.

«Востребовать» политическую науку, впрочем, очень просто — нужно обратиться к ее представителям (именно к ним, а не к слепым из зарослей крапивы) с соответствующим запросом. Честное слово, наука откликнется. Механизмы формулирования и трансляции таких запросов (а равно отличия ученых от слепых) вполне

тривиальны; однако в России они почти отсутствуют и не возникнут до тех пор, пока лица, принимающие решения, не сочтут, что и от политической науки бывает польза. Правда, не знаю, что могло бы их в этом убедить — антисциентизм в этих кругах очень силен.

«Политология» в некотором смысле вполне востребована — прежде всего здесь, а не в мифическом «обществе» идут и даже поощряются «дискуссии о политической системе», да еще такие страстные... Другое дело, что к «станку» все равно не пускают — см. предыдущий пункт.

РЖ Как вы оцениваете состояние крупнейших центров политологии в России?

Оценивать коллег неловко. Во всех названных институциях есть и свои ученые, и свои «политологи», и свои заросли крапивы. Пропорции различны; оптимальной нет нигде.

РЖ Считаете ли вы, что с течением постсоветского транзита политологи упустили возможность стать влиятельной экспертной силой, влиять на принятие решений? Если да, то какие объективные и субъективные причины это обусловили? Если нет — то можно ли это объяснить упадком гуманитарных наук в современном обществе?

Да, упустили — именно потому, что en masse оказались неспособны к разведению рефлексивного и функционального поведения. Политические ученые, неуверенно притворяясь «политологами», не смогли поставить на поток производство операционального, пригодного к практическому применению экспертного продукта. «Политологи», совсем уже неуверенно притворяясь учеными, преуспели, пожалуй, еще меньше, поскольку не обладали даже той минимальной дисциплиной ума и письма, которую дает наука. Власть имущие нигде не любят прислушиваться к «яйцеголовым»; к таким «яйцеголовым», которые даже не в состоянии разобраться с собственной идентичностью, прислушиваться действительно трудно, а часто и противно. Впрочем, за неимением зеркала надо бы глядеться в то, что под рукой, хоть бы и в мутную водицу — иначе можно не заметить опасных новообразований. **Политические ученые всегда останутся при деле — не в этой стране, так в другой** (наука транснациональна). А вот для «политологов» и для государства — пожалуй, что и для страны — такое положение дел рискованно.

P. S. Все вышесказанное ни в коей мере не следует воспринимать как упрек в адрес моих товарищей по «синкретическому сообществу». Какие могут быть упреки? Сам такой. ■

Беседовала Любовь Ульянова

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ В СОСТОЯНИИ ЗАБРОШЕННОСТИ

АЛЕКСЕЙ КУЗЬМИН —
председатель научно-экспертного
совета Фонда «Национальные
перспективы»

Специально для РЖ

Мировая политическая наука с середины 1960-х — начала 1970-х годов постоянно деградировала. Произошло разрушение самого представления о том, что такое наука. Наука имеет дело с метатекстом, предполагая, что существует какая-то объективная истина. Ежели у вас нет представления об истине, то вы оказываетесь в безнадежной ситуации, когда можете разговаривать, только поставив умный и тонкий вопрос, отделившись от него остротой, и побегать дальше. Или вы обречены на то, чтобы в лучшем случае уходить в область политической философии. Здесь ситуация плоха, но небезнадежна. По крайней мере, в России существуют два или три политических философа, в первую очередь — **Борис Капустин**. Но политическая философия может существовать в ситуации почти полного одичания, просто потому, что для философствования кроме собственной головы и, может быть, нескольких книжек, ничего не надо. Для существования же науки, в том числе политической, нужна профессиональная среда. Есть некий семинар по идеологиям, который ведет главный радатель самоорганизации российского политологического сообщества **Ольга Малинова**. Там собирается 15 человек.

Среди политологов очень плохо с яркими фи-

гурами, которыми и определяется вес сообщества. Можно было как угодно относиться к покойному **Александру Панарину**, но в его творчестве — и тогда, когда это был западнический либерализм, и тогда, когда это стало православным почвенничеством, — существовал некоторый внутренний драйв и внутренняя самосогласованность позиций. Можно было как угодно спорить с **Алексеем Салминым** по поводу его очень специфической концепции «русскости». Но его концепция опиралась на блестящее знание, это всегда было очень тонко, и на уровне экспертизы, и на уровне исследовательских программ. Блестящий потенциал **Вадима Цымбурского** был изведен в никуда. При всех достоинствах его работ о геополитике они были гораздо менее продуктивны в научном смысле, чем то, что он делал в позднесоветский период.

Мне безумно нравятся работы, которые делал **Владимир Нечаев** в конце 90-х, мне по сей день продолжают нравиться работы **Леонида Бляхера**, я во многом не согласен со **Святославом Каспэ**, но его реконструкция того, почему империи являются неизбежностью, кажется мне не лишенной забавности. Это доброкачественные исследования. Весь вопрос в том, что доброкачественные исследования сегодня не нужны никому. ■